

ОСНОВАНИЯ АВТОНОМНОСТИ СОЦИАЛЬНО-ЮРИДИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Пономарёв Алексей Михайлович
Доктор философских наук,
Удмуртский филиал Института философии и права УрО РАН
E-mail: amp08@mail.ru

FOUNDATIONS FOR THE AUTONOMY OF THE SOCIAL-LEGAL SYSTEM OF MODERN SOCIETY

Ponomarev Alexey Mikhailovich
Doctor of philosophical science,
Udmurt Branch of the Institute of Physical Problems of the Ural Branch of the
Russian Academy of Sciences, Izhevsk
E-mail: amp08@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Функциональные системы в современном обществе могут рассматриваться как автономные социальные системы. Каждая социальная система опирается в своём функционировании на собственный код и носит дискурсивный характер. Дискурсивная организация предполагает логически оформленную рациональность социальной системы.

Юридическая система в качестве социальной системы использует в качестве своего кода принцип права, которое понимается как равная мера прав субъектов и их равенство. Логической моделью этого принципа выступает модель трансцендентального субъекта. Для успешного функционирования системы её принцип должен быть вынесен во вне. Право как принцип юридической системы вынесено в сферу политического и воплощено в форме конституции. Такая реализация принципа права позволяет сохранять юридической системе этическое измерение.

Ключевые слова: социальная система; социальный код; юридическая система; право; трансцендентальный субъект; конституция.

ABSTRACT

Functional systems in modern society can be viewed as autonomous social systems. Each social system relies in its functioning on its own code and is discursive in nature. Discursive organization presupposes a logically formed rationality of the social system.

The legal system as a social system uses the principle of law as its code, which is understood as an equal measure of the rights of subjects and their equality. The logical model of this principle is the model of the transcendental subject. For the system to function successfully, its principle must be taken out. Law as a principle of the legal system is brought into the political sphere and embodied in the form of a constitution. This implementation of the principle of law allows the legal system to maintain an ethical dimension.

Keywords: social system; social code; legal system; law; transcendental subject; constitution.

К одной из черт современного общества уже традиционно относится его высокая, даже излишняя юридизация. С другой стороны, не менее традиционными стали жалобы на низкую эффективность юридических норм, а также заявления о кризисе современного права [1, с. 48-55]. Эта ситуация делает актуальным обсуждение общих характеристик юридической системы как частного случая социальной системы, функционирование первой по логике второй.

Обсуждение автономности современной юридической системы в рамках данной статьи следует предварить некоторыми положениями, исходя из которых ведётся это обсуждение. Первое, под социально-юридической системой понимается нормативное согласие по поводу перевода частных интересов в условиях их разнонаправленности, несогласованности (конфликта) в формализованную процедуру, в рамках которой происходит их согласование (достигается их согласованность и/или разрешается конфликт). Нормативное

согласие, в свою очередь, обеспечивается социокультурным кодом конкретного общества. Второе, юридическая система является частью социальной системы и понимается как формализованная процедура, процесс вынесения решения. В качестве социального отношения юридическая система может быть описана аналитической моделью «триады», в которой помимо двух позиций участников третьей социальной позицией является позиция арбитра [2, с. 142, 152, 164, 170-171].

Социально-юридическая система современного общества может быть охарактеризована как правовая в отличие от регламентационных социально-юридических систем предыдущих обществ. В отличие от объективистских регламентационных систем, ориентированных на казус, правовая система ориентирована на субъекта и его права. При описании её организации и функционировании в первую очередь следует указать на социальный контекст, в котором развивается эта система. Основными характеристиками общества высокого модерна следует считать высокую дифференциацию этого общества, а также дискурсивность как основной признак всех видов общения.

Высокая функциональная дифференциация общества модерна стала заметной уже на рубеже XVIII-XIX вв.. В этот период она становится предметом осмысления социальных наук, которые развивались на основе специализации дифференцирующихся социальных систем. Пожалуй, с XIX в. корректнее вести речь об экономике, политике, праве, культуре и т.п. именно как об обладающих высокой степенью автономности социальных системах, а не как о подсистемах общества.

Процесс был положен отграничением экономической системы, которое заняло период раннего модерна. Реакцией на замыкание экономики в автономную систему стал процесс автономизации в эпоху зрелого модерна политической системы (XVIII-XIX вв.), что проявилось как формирование национального государства, обязательной частью системы которого является партийная система. Ситуация высокого модерна связана с распространением

процесса функционально-системной дифференциации на всё большее количество сфер человеческой деятельности.

В ходе функциональной дифференциации обществу пришлось решать несколько проблем самоорганизации. К ключевым проблемам относится налаживание кода функционирования каждой системы и сохранение социетальной целостности в условиях самозамыкания функциональных систем. Для одновременного решения обеих проблем было необходимо единое основание, которым стала интенсификация использования основного кода – понятийного социального общения. Анализ этого процесса на сегодняшний день выполнен в форме содержательного описания генерализации основных средств каждой из систем, что проанализировано, например, в работах Н. Лумана и Ю. Хабермаса. Однако в этом анализе, как представляется, не достаточно обращается внимание на типологическое сходство разнообразных генерализаций.

Основной код общества модерна задавал принципиальные рамки этим генерализациям. Описание нарастающей генерализаций каждой из социальных систем не случайно даётся – например, в работах М. Вебера и Ю. Хабермаса, – в терминах возрастающей рационализации. Он представлял собой процесс применения логических средств не только в конкретной науке, исследующей данную социальную систему, но и в повседневной практике внутри этой системы. Обобщённо говоря, процесс генерализации с точки зрения ментальности представлял экспансию логицизма на все аспекты деятельности индивидов внутри функциональной системы. Поэтому конкретный код конкретной системы не может не рассматриваться как эмпирическое приложение определённого «логического исчисления». Необходимо отметить, что появление и активное применение логик нового типа и всеохватная функциональная социальная дифференциация общества высокого модерна совпадают не случайно. Можно утверждать, что развитие неформальных логик является необходимой социально-эпистемологическим условием общества, которое осознаётся сегодня как постмодернистское. Более того, само

дифференцирование оказывало обратное влияние на логики. Речь идёт не только о формировании новых «логических миров» аподиктического типа, но и о формировании новых логик – например, - деонтических. Речь идёт также о переосмыслении роли традиционных логик, остававшихся в тени - пример, «возрождение» риторики, которая переосмысляется в контексте аргументационной логики [4, с. 58 и далее].

Но наряду с однотипностью формирования кодов конкретных социальных систем для сохранения социальной целостности требовалась рефлексия и самой однотипности и логической модели описания целостности. Точнее говоря, логическая модель являлась рефлексивным основанием для «санкционирования» рационализации и самих систем, и прагматичной логизации значимых в её пределах социальных действий. На основании уровня рационализации общества, достигнутой в период раннего модерна, в зрелом модерне были разработаны две такие модели. Одну из них можно обозначить как вариант казуально-детерминистских теорий – к ним можно отнести различные версии материализма, функционализма и позитивизма. Вторую – как вариант телеологических теорий, к которым следует отнести в первую очередь трансцендентальные и содержательно близкие к ним (так называемые идеалистические) концепции [8, с. 21-27].

Одновременно с выполнением функции «матрицы» для кодов функциональных систем эти модели репрезентируют актуальное состояние универсально-понятийного кода [5, с. 150], описывают актуальный метакод данного общества. Исходя из этого, представляется обоснованным истолкование трансцендентальных моделей – в частности, категории «трансцендентальный субъект», – в качестве принципа, конкретизируемого в коде функциональной системы [6, с. 154 и далее]. Применительно к социально-юридической системе этим принципом и выступает право как принцип равной меры, единого масштаба в приложении к однотипны явлениям. Более того, право как трансцендентальный принцип является из всех возможных случаев наиболее чистым случаем тождества метакода и кода функциональной системы – т.е., это случай

максимально возможной в эмпирических условиях логической формализации языка социальной системы и значимого в ней действия.

Особое состояние права как трансцендентального принципа организации функциональной системы обусловлено несколькими обстоятельствами. В первую очередь – это «укоренённость» в универсальной системе модернистского общества. Универсальная политическая сфера как область «абстрактного всеобщего интереса» нуждается в инструменте своего измерения. Естественно, что «инструмент» измерения должен быть одноприроден самой измеряемой сфере. Более того, как «инструмент» её измерения он должен содержать в себе «эталон» измерения; т.е. он должен быть более универсален, более абстрактен и более формализован, чем собственно политическая область. Он должен быть своеобразным «своим чужим» для сферы политического, в которой имманентное содержание такого «эталона» опустошено, блокировано выходом в неё частного интереса. Частный интерес в силу своей конкретности приводит к возмущению в политическом поле, ставит под угрозу его претензии на формальность и всеобщность. Поэтому право и выступает в роли такого рода «своего чужого».

Следует подчеркнуть, право как принцип есть в первую очередь элемент устойчивого функционирования универсальной компоненты общества модерна. В той же мере, в какой можно говорить о «случайности» перемещения в центр политической системы модерна государства, можно говорить о «случайности» нахождения в сфере притяжения права юридической системы. Можно напомнить о доправовых социально-юридических системах, в которых юридические системы вполне функциональны без формально-логического обоснования (функционируют на основе иной логики), о практиках функционирования в XX в. юридических систем, сознательно отрекшихся от правового принципа.

С другой стороны, право как юридический по форме принцип равной меры исторически несло в себе риск утраты этой формы. История знает попытки реализации равенства без юридического опосредования. Да и сами исторические формы права в виде естественного права включали изрядную «примесь» не

юридического, а, например, теологического, этического. Другим словами, процесс становления трансцендентально-правовой социально-юридической системы требовал «эмансипации» права от неюридических компонентов, с одной стороны, и практическую востребованность нового принципа организации юридической системы, с другой стороны. Таким образом, право в качестве трансцендентального принципа, как модель для организации юридической системы должно было само отдифференцироваться от иных – в том числе, политических, – содержательных вкраплений (стать чистой формой юридического сознания) и сорганизоваться как чистая логическая структура, т.е. приобрести форму функциональной субстанции. Но, приняв такую форму, оно не могло не преобразовать коренным образом организацию юридической системы и выполнение ею своих функций в обществе высокоавтономных социальных систем.

Основная сложность исторически состояла в тесной связке правового с политическим. Помимо примера с юридическим позитивизмом, другой иллюстрацией сложности отдифференцирования права от политики может служить концепт правового государства [7, с. 39-40]. Нельзя не согласиться с Н. Луманом, что конституция является элементом политического поля, а не юридической системы. Конституция в качестве политического факта вводит в политическое пространство размерность, упорядочивает процессы – в том числе принятие решения, – превращает их в формализованную процедуру, соблюдение которой – в ситуации, когда не действуют моральные регуляторы, когда сталкиваются антагонистические интересы – обеспечивает легитимность этих процессов. Это обстоятельство неоднократно отмечалось. Реже обращают внимание на роль Конституции в «эмансипации» юридической системы от политического, на то, что «... свою функцию ... конституция выполняет только в условиях функциональной дифференциации и оперативной закрытости политической и юридической систем ...» [9, s. 479].

В рамках развиваемого в данной работе подхода Конституция может трактоваться как встроенный в политическое пространство элемент,

выполняющий функцию измерительного «эталона». Одновременно она есть точка пересечения юридической и политической системы. Она есть точка встроенности юридической системы в политическое, точнее точка через которую политические – следовательно, всеобщие решения, – принимают юридическую форму. Но одновременно – как точка пересечения, – она есть и граница политического и юридического, есть точка – если использовать терминологию постмодернистской философии, – «ноля», ничто. Другими словами, это граница субъект-объектного перехода, пространство, в котором право, истолкованное как трансцендентальный субъект, объективирует себя в системе юридических норм. Таким образом, Конституция – оставаясь внешним по отношению к юридической системе элементом, – приобретает статус Абсолюта для юридической практики и позитивированного юридического мышления, позволяя профессиональному и обыденному сознанию «овеществлять» сконструированные юридические отношения.

В рамках политического пространства Конституция явно осознаётся как результат сложения волей в ходе дискурсивного обсуждения принципиальных для самоописания общества вопросов. Именно к этому аспекту Конституции применима модель трансцендентального субъекта как дискурсивной полемики, в ходе которой рационально обосновываются притязания на практическую значимость. Именно модель трансцендентальной прагматики позволяет общественному сознанию принимать текст Конституции как формализованный консенсус, признаваемый любым – прошлым, актуальным или потенциальным, – участником этого дискурса. Более того, именно эта модель легитимизирует возможность пересмотра базового консенсуса, но с характерной оговоркой – при признании формализованных процедур этого изменения. Другими словами, Конституция как принцип организации политических процессов задаёт алгоритм и принципы изменения самого «эталона» измерения. Именно в этом контексте – в качестве неустранимости этического как условия протекания трансцендентальной по своим характеристикам коммуникации, – в политическое пространство входит мораль [3, с. 213].

Одновременно с этим правовое трансформируется в устойчивую форму общественного сознания, преобразовывая притязание на практическую значимость в притязание на значимость истины и приобретая аксиологическую размерность. Тематическая направленность дискурсивной коммуникации меняется: из способа утверждения идеальной общности она превращается в способ утверждения истинных, абсолютных, всеобщих и императивных положений. Трансцендентальная прагматика сводится к трансцендентальному синтаксису, при соблюдении которого признаётся – на основании базового консенсуса, – возможность трансцендентальной семантики, которая и реализуется в качестве законодательных и подзаконных юридических норм.

Таким образом, трансцендентальная правовая социально-юридическая система складывается как утверждение наделённой атрибутом Абсолюта точки в политическом пространстве – права, объективируемого в Конституции. Важнейшей функцией этой точки является опосредование любых притязаний на значимость, в ходе которого частный интерес приобретает форму всеобщности. Эта же точка оказывается точкой исхода юридической системы из сферы политического. При этом, её развёртывание осуществляется на базе права как имманентного ей принципа, право взятое в его трансцендентальности воспроизводит на материале юридической системы свои характеристики.

Список литературы

1. Берман Г. Дж. Западная традиция права. – М.: Изд-во МГУ: Издательская группа Инфра*М – НОРМА, 1998. – 624 с.
2. Карбоньё Ж. Юридическая социология. – М.: Прогресс, 1986. – 351 с.
3. Козловски П. Общество и государство: неизбежный дуализм. – М.: Республика, 1988. – 368 с.
4. Огурцов А.П. От нормативного разума к коммуникативной рациональности. // Этнос науки. – М.: АCADEMIA, 2008. – 535 с.

5. Петров М.К. Язык, знак, культура. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. – 328 с.

6. Пономарёв А.М. Дискурсивные аспекты права. – Ижевск: Изд-во «Ассоциация по методологическому обеспечению деловой активности и общественного развития “Митра”», 2011. – 244с.

7. Поскониная О.В. Никлас Луман о политической и юридической подсистемах общества. – Ижевск: Издательство Удмуртского университета, 1997. – 123 с.

8. Шуман А.Н. Трансцендентальная логика. – Мн.: Экономпресс, 2002. – 416 с.

9. Luhmann N. Das Recht der Gesellschaft. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1995. – 598 s.